

А. А. Курганский

**ИГНАЦИЙ ПАДЕРЕВСКИЙ О ГРАНИЦАХ
И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ
НЕЗАВИСИМОЙ ПОЛЬШИ (1914 – 1921)**

Поступила в редакцию 18.04.2021 г.

Рецензия от 12.08.2021 г.

60

Игнаций Ян Падеревский родился в Российской империи, долгие годы шел к славе всемирно известного композитора и пианиста, а в годы Первой мировой войны неожиданно с головой ушел в политику, став одним из «отцов-основателей» возрожденного в 1918 г. Польского государства. Цели статьи – выявить взгляды Падеревского по вопросам границ и внешнеполитической ориентации Польши, оценить его вклад в восстановление ее независимости. Взгляды и деятельность Падеревского изучаются на основе вышедших из-под его пера политических манифестов, дипломатической корреспонденции, публицистических статей, а также публичных выступлений и интервью; привлекается также межуарная литература. В ходе исследования проанализирована концепция Падеревского о принципах и форме государственного устройства независимой Польши, которая, по его мнению, должна была быть воссоздана в границах до первого раздела Речи Посполитой (1772). Эта концепция легла в основу беспрецедентной агитационной кампании, которую он развернул в годы войны в Северной Америке и Европе. После получения его родиной независимости при поддержке США Падеревский становится премьер-министром и министром иностранных дел Польши и отдает все силы для продвижения своей идеи создания «великой Польши» на Парижской мирной конференции и в Лиге Наций. После провала его плана, как и других проектов польского великодержавья, он уходит в отставку, покидает большую политику и уезжает из Польши. Однако имя Игнация Падеревского навсегда осталось в летописи возрождения польской государственности.

Ignacy Jan Paderewski was born in the Russian Empire, for many years he was working for the glory of the world-famous composer and pianist, and during the World War I he suddenly plunged headlong into politics, becoming one of the “founding fathers” of the Polish state, which revived in 1918. The article attempts to identify Paderewski's views on the borders and foreign policy of Poland, to assess his contribution to the process of restoring its independence. The views and activities of Paderewski are studied in published political manifestos, diplomatic correspondence, publicist articles written by Paderewski, as well as his public speeches and interviews and memoirs. The study identified and analyzed Paderewski's concept of the principles and form of independent Poland state structure, which, in his opinion, should be recreated within the borders before the first partition of the Polish-Lithuanian Commonwealth in 1772. This concept was used as the basis for an unprecedented campaign that he launched in the war years in North America and Europe. After his homeland gained independence with the support of the United States, Paderewski became Prime Minister and Minister of Foreign Affairs of

Poland and devoted all his efforts to promoting his idea of creating a "Greater Poland" at the Paris Peace Conference and the League of Nations. After his plan had failed, like all other projects of the Polish great power, he resigned, gave up big politics and left Poland. However, his name will forever remain in the memory of the Polish state rebirth.

Ключевые слова: Игнаций Падеревский, Польша, польский вопрос, границы, внешняя политика

Keywords: Ignacy Paderewski, Poland, Polish Issue, borders, foreign policy

Игнаций Падеревский (1860–1941) — всемирно известный польский музыкант, а также видный государственный деятель, премьер-министр и министр иностранных дел Второй Речи Посполитой с января по декабрь 1919 г. Он родился на Подолье (ныне Украина) в крестьянской семье. В конце XIX — начале XX в. сделал блестящую музыкальную карьеру в качестве композитора и виртуозного пианиста, много концертировал по разным странам и континентам. В 1910-х гг. началась его активная политическая деятельность, направленная на достижение независимости Польского государства. Он был одним из лидеров американской Полонии, поддерживал тесные связи со многими главами государств и ведущими политиками западных держав (с некоторыми дружеские).

Падеревский справедливо считается одним из «творцов независимости» Польши наряду с Юзефом Пилсудским и Романом Дмовским. Интерес к его фигуре не ослабевает и сегодня. Об этом свидетельствуют, например, слова Леха Валенсы, первого президента постсоциалистической Польши: «Падеревский был выдающимся, широко известным в мире артистом, но прежде всего верным сыном своего Отечества. Пламенным патриотом. Великим человеком и еще более великим Поляком. Он пожертвовал своим великим искусством, талантом и богатством ради самого важного для него дела — возрождения свободной Польши, а затем укрепления ее независимого существования» (цит. по: [25, s. 4]).

Для политических лидеров и дипломатов западных стран в начале XX в. Польша и польский вопрос часто ассоциировались с фигурой Падеревского. Советник американского президента Вудро Вильсона Эдвард Хауз, который имел дружеские отношения с музыкантом, отмечал, что «быть другом Падеревского почти наверняка означает быть другом Польши» (цит. по: [12, p. 53]). Лидер национальных демократов Роман Дмовский писал, что внимание Вильсона к польскому вопросу стало возможно благодаря тому, что Падеревский был знаком с Э. Хаузом [15, s. 336]. Депутат и председатель комиссии по международным делам Законодательного сейма Станислав Грабский в мемуарах охарактеризовал Падеревского так: «...у него действительно была одна-единственная цель — благо Польши. Я в жизни не встречал более бескорыстного и более самоотверженного политика» [19, s. 114].

Самые известные работы о Падеревском, в которых анализируется политическая деятельность музыканта, принадлежат британским исто-

рикам польского происхождения — А. Замоискому и А. Пражмовской, а также польским историкам М.М. Дроздовскому, Х. Марчевской-Загданьской и директору Архива новых документов в Варшаве М. Ольчаку [16 – 18; 20; 22; 24; 26]. Указанные исследователи высоко оценивают роль Падеревского в польском национальном движении в контексте международных отношений. Отдельный и во многом критический взгляд на политическую деятельность Падеревского дает один из ведущих историков польского происхождения в США М. Бискупский [12 – 14], который опровергает некоторые связанные с ним мифы, называет некомпетентным стратегом, но харизматичным и успешным государственным деятелем. Белорусский исследователь О.Г. Казак сравнивает федералистскую концепцию Падеревского с другими популярными в его время идеями национально-государственного строительства [5].

В российской историографии Падеревский известен прежде всего как выдающийся музыкант и лишь изредка упоминается как премьер-министр Польши и глава польской делегации на Парижской мирной конференции, подписавший вместе с Р. Дмовским от имени Польши Версальский договор. Самый серьезный анализ политических событий, в которых принимал непосредственное участие Падеревский, провел ведущий российский полонист Г.Ф. Матвеев [1; 6; 9]. Отдельные аспекты его деятельности как главы правительства и МИД затрагивались в работах по истории Польши и советско-польских отношений [2 – 4; 7 – 8; 10]. Однако в российской историографии до сих пор нет специальных работ, посвященных взглядам и деятельности Падеревского как политика.

Цели настоящего исследования — характеристика взглядов Падеревского по проблеме границ и концептуальным основам внешней политики возрожденной Польши, а также оценка его вклада в восстановление независимости польского государства в годы Первой мировой войны и послевоенное урегулирование.

Основным источником для изучения политических взглядов Падеревского в изучаемый период являются его сочинения, составившие первые два тома «Политического архива Игнация Падеревского» [11]: переписка с главами государств и различными общественными, партийными, военными деятелями, а также деятелями культуры; декларации, в подготовке которых участвовал Падеревский; его многочисленные статьи, выступления и интервью. Они охватывают разные аспекты решения польского вопроса, связанные с образованием Польского государства, формированием его границ, созданием национальной армии, сбором средств для восстановления экономики и некоторые другие.

Уже в 1914 г. Падеревский, как и многие поляки, находившиеся в эмиграции на Западе, посчитал, что польский вопрос после начала мировой войны вновь оказался на повестке дня, поскольку «три державы, которые разделили Польшу как трофей, подчеркнули международный характер этого вопроса, дав громкие обещания о создании независимой Польши» [11, t. 1, s. 56]. В процитированном манифесте группы швейцарских поляков в декабре 1914 г., в написании которого принимал участие Падеревский, было высказано мнение о пророссийской ориентации будущего Польского государства. Анализируя историю польско-

го вопроса в трех империях и ситуацию, которая сложилась накануне войны, авторы документа делали вывод, что поляки после объявления манифеста великого князя Николая Николаевича 1914 г. верили «в искреннюю доброжелательность императора Николая» и были «полностью солидарны с интересами России» [Ibid., s. 57]. Авторы манифеста демонстрировали уверенность, что война обязательно приведет к изменению российской политики в Польше, а причины предшествующего русификаторского курса царизма объясняли доминированием реакционной национальной партии в Государственном совете и негативным немецким влиянием, под которое Россия попала еще со времен союза Фридриха II с Екатериной II, засильем немцев в правящих элитах империи Романовых [Ibid., s. 57–58]. С этим влиянием покончено, так как с началом войны разрыв России и Германии стал неизбежным и окончательным.

О правильности пророссийской ориентации Падеревский говорил в сейме Польского национального союза в Америке в октябре 1915 г. Он сравнил Польшу с «орехом, защищенным скорлупой, и эта скорлупа — Римско-католическая церковь», высказав мнение, что именно «католическая польскость» позволила полякам отстоять свою самобытность в Российской империи, тогда как в протестантской Пруссии она почти утрачена [11, t. 1, s. 78]. Эти высказывания подтверждали близость внешнеполитических установок Падеревского и Национально-демократической партии (эндэков) Дмовского, хотя известно, что их позиции расходились по некоторым вопросам, прежде всего по отношению к национальным меньшинствам.

Очень важна для анализа взглядов Падеревского реакция его и объединения польских организаций в США на Акт 5 ноября 1916 г. о провозглашении австро-германскими союзниками создания Польского королевства. В коллективной декларации, текст которой перед публикацией был отправлен Падеревским премьер-министру Франции Аристиду Бриану, заявлялось, что этот документ не давал королевству ни короля, ни границы, а содержал лишь расплывчатые обещания и указ о создании польской армии. По словам группы поляков, Акт 5 ноября означал «новый раздел Польши», не допустить которого они призывали международное сообщество [11, t. 1, s. 93]. Эта реакция подтверждала проантантовскую, а значит, и пророссийскую позицию Падеревского, позитивно относившегося к плану объединения всех польских земель под российской короной как первому шагу к будущей независимости Польши. Падеревский заявлял, что вынужденно согласился на первоначальный союз с Россией под давлением правительств Англии и Франции, чтобы привлечь поляков — сторонников Центральных держав, которых среди польских эмигрантов, особенно социалистов, насчитывалось немало [12, p. 41].

Позиция Падеревского по одному из главных вопросов, связанных с образованием независимого Польского государства, — вопросу границ, была подробно изложена им в двух обстоятельных письмах президенту США Вудро Вильсону 11 января 1917 г. Есть сведения, что Падеревский подготовил эти письма Вильсону по личной просьбе Хауза [21, s. 75].

В своих рассуждениях он повторял многие известные аргументы польских идеологов национального движения, основанные на идее воссоздания независимой Польши в границах 1772 г. Однако несколько оригинальных моментов обращают на себя внимание.

Прежде всего Падеревский пытается объединить два альтернативных подхода к определению государственных границ — исторический и этнографический. Исторические польские земли он выводит со времен государства Пястов, описывая территорию монархии Болеслава Храброго (992–1025), которая включала Моравию, Словакию, Померанию по обеим берегам реки Одры, всю Силезию, половину Саксонии и доходила почти до Берлина, то есть занимала обширное пространство от Балтики до Дуная. С другой стороны, он оспаривает тезис «Поляки — малый народ», утверждая, что «чистых» поляков — 23 миллиона, а говорят на польском языке 35 миллионов человек, к чему надо добавить еще 15 миллионов хорошо понимающих его. «Если бы Польша была полностью свободной и ее старая граница была бы восстановлена, — делает вывод политик, — то у нас была бы однородная нация из 54 миллионов человек, такая же однородная, как Франция, и намного более однородная, чем Австрийская империя, в которой 11 миллионов немцев управляют конгломератом из 52 миллионов человек, главным образом славянского происхождения» [23, s. 111]. В этих словах явно прослеживается претензия на восстановление польского великодержавья, не учитывающая особенности разделенных территорий и структуру населения трех империй, претерпевшую существенные изменения за более чем столетие польской неволи.

Описывая историю своей страны, он проводит параллели с европейской историей, пытаясь показать, что государство Ягеллонов было республикой во главе с избираемыми пожизненно королями, по объему своей власти напоминавшими современных ему президентов. Падеревский идеализирует политический строй Речи Посполитой, утверждая, что причинами разделов страны были не анархия и острые внутренние противоречия, а агрессивная политика соседних реакционных монархий.

Чтобы получить поддержку американского президента, который резко негативно относился к политике колониализма и феодальным пережиткам, Падеревский указывает, что польское дворянство было не классом аристократии, а скорее, «привилегированной демократией» [23, s. 112]. Радомскую конституцию «*Nihil novi*» 1505 г., по его мнению, следует считать первой попыткой ввести демократическую парламентскую систему в Европе [Ibid.]. Оставляя без внимания пестрый национальный и религиозный состав Речи Посполитой, автор пытается убедить своего адресата в том, что Польша была светочем либерализма, демократии и прогресса, «хранителем европейской цивилизации», а разделы Речи Посполитой оказались фатальными для судеб Европы и ее народов. Они нарушили баланс политических сил в Старом Свете и, по мнению Падеревского, санкционировали «систему политического, экономического и религиозного угнетения малых народов, создали преступную атмосферу, которая царит в Европе в течение 142 лет и которая, похоже, сейчас достигла своего пика» [23, s. 113].

В личных обращениях к президенту, в апелляциях к его взглядам и заслугам вполне уместная дипломатическая вежливость автора зачастую переходит в неприкрытую лесть. Этот банальный прием был вызван стремлением опереться в решении польского вопроса на Вильсона, чье влияние на Антанту возрастало, так как вступление США в войну было уже практически решенным вопросом. При этом часто, по словам историка М. Бискупского, высказывания Падеревского диктовались не столько политическим расчетом, сколько эмоциями, «капризами артистического темперамента», в них форма преобладала над содержанием [12, р. 42].

Касаясь перечня земель, на которые претендуют поляки, Падеревский нередко оперирует сомнительными аргументами. Так, из областей «пруссского захвата» Польша имела виды на Великое герцогство Познаньское, Западную Пруссию с Гданьском, Восточную Пруссию, прусскую Силезию с Вроцлавом. Указывая на их давние связи с Польшей, он пишет, например, что Восточная Пруссия (а точнее государство Тевтонского ордена и герцогство Пруссия) в XV — XVII вв. принадлежала Польше [23, s. 113 — 114], тогда как на самом деле речь шла лишь о ее достаточно формальной вассальной зависимости от Польши.

Второе из упомянутых писем Падеревского Вильсону целиком посвящено правам Польши на Гданьск и Восточную Пруссию и жизненной необходимости для нового Польского государства обрести выход к морю. Он отмечает, что Восточная Пруссия делится на три почти равные части: восточную, населенную литовцами, южную — с преимущественно польским населением и прусскую северную. Из этого расклада делается знаменательный вывод: «...так называемая Восточная Пруссия с этнографической точки зрения — это немецкий остров в польском море, далекий остров, полностью отрезанный от Германии плотной массой поляков на левом берегу Вислы вплоть до Балтийского моря. Для Германии это отдаленная колония, малонаселенная, малоценная с экономической точки зрения, отодвинутая слишком далеко на восток. Эта колония, как и другие немецкие колонии, должна быть отрезана от своей империи, и несколько тысяч немцев, которые могли бы остаться там, вполне могут жить в свободной Польше, как их предки жили в Гданьске...» [23, s. 122]. Задаваясь вопросом, возможна ли политическая или экономическая самостоятельность Польши без выхода к морю, он приходит к однозначному ответу: «Для Польши Гданьск — это окно во весь мир. Это легкие, без которых она не может дышать. Он для нее то же самое, что Лондон для Англии, Гавр для Франции и Антверпен для Бельгии» [Ibid., s. 123]. Тот факт, что в Гданьске поляки составляют меньшинство, по мнению автора письма, компенсируется их преобладанием на окружающей город территории Поморья.

Говоря о присоединении Галиции и других австрийских областей и не имея возможности подкрепить свои претензии демографической статистикой, Падеревский упирает на исторические связи земель с Польшей. Выборочно ссылаясь на летописца Нестора и «первого из великих историков России» Н.М. Карамзина, он приходит к выводу, что исторические права России на эти земли «полностью абсурдны» [23, s. 115 — 116].

Из земель Российской империи в состав Польши помимо Царства Польского должны были, по мнению Падеревского, войти Литва, Белоруссия и «Русь», под которой он понимает Украину с Волынью и Подолем. Падеревский указывает на нерушимость связи между Польшей и Литвой, ставя под сомнение существование независимой от Польши Литвы, ведь даже литовский язык «сегодня беден, недостаточно развит и примитивен» [23, s. 116]. В качестве аргумента в пользу присоединения белорусских губерний к Польше, в которых поляки составляли явное меньшинство, Падеревский указывает на прочные позиции там католической церкви и то, что «в этой стране родились величайший польский поэт Мицкевич и величайший польский патриот эпохи неволи Костюшко» [Ibid., s. 118]. Украину же с населением от 25 до 28 миллионов человек следует присоединить по историческим соображениям: «На этой земле, — патетически восклицает автор, — в течение почти 400 лет непрерывной борьбы с татарами и турками было пролито много крови лучших представителей Польши, защищавших свою свободу и свободу Европы» [Ibid., s. 118—119]. Он также утверждал, что именно поляки цивилизовали этот регион, были ее первопроходцами, строили города, крепости, церкви, школы, создали промышленность и т.д. Вся эта аргументация Падеревского относительно восточной границы Польши выглядела очень неубедительно.

В целом представленная Вильсону «программа» воссоздания Польского государства была в некотором роде «программой максимум». Например, на восточную Белоруссию и левобережную Украину Польское государство не имело вообще никаких прав, так как на этих землях польское население лишь в некоторых местах достигало 5 %, что подтверждает и сам автор писем, отмечая, что по некоторым территориям возможны переговоры.

Наверное, самая интересная часть двух январских писем, адресованных Вильсону, посвящена устройству будущего государства — проекту Соединенных Штатов Польши, включающих Королевство Польское, Литовское королевство, Полесское королевство, Королевство Галиция-Подолье, Королевство Волынь. В первое королевство должны были войти наряду с Царством Польским все вышеперечисленные территории, отошедшие от Германии и Австро-Венгрии, кроме Восточной Галиции. Литовское королевство должно было включать города Вильно, Каунас, Сувалки, Тильзит, Клайпеду и северный берег Немана. По расчетам Падеревского, поляки там представляли бы лишь 25 % населения. Полесское королевство в основном составляли белорусские области с 20 % польского населения. Четвертое королевство охватывало бы Восточную Галицию и часть Волыни, где доля поляков колебалась бы от 30 до 39 %, с католическим и греко-католическим большинством населения. А президент Соединенных Штатов Польши должен был принять титул короля всех перечисленных образований.

Идея Соединенных Штатов Польши была собственным оригинальным проектом Игнация Падеревского, находившимся в русле других федералистских концепций того времени. При этом Падеревский пытался представить свой проект как не противоречащий целям одной из

союзных держав Антанты — России и даже якобы соответствующий содержанию российского манифеста полякам, однако сам признавал, что реализация амбициозных польских целей означала бы крах Российской империи [23, s. 121]. Эта идея была замаскированным великодержавным планом восстановления былой славы Речи Посполитой 1772 г. Несмотря на красивое название, рассуждения о демократии, федерализме, свободе вероисповеданий и равенстве национальных языков, что должно было понравиться и было призвано привлечь В. Вильсона к решению польского вопроса, послевоенное урегулирование на принципах самоопределения народов и создания национальных государств вступало в явное противоречие с идеями восстановления «великой Польши».

67

О.Г. Казак считает, что федералистский план Падеревского был во многом схож с некоторыми другими популярными идеями того времени — созданием федерации/конфедерации по образцу швейцарских кантонов [5, с. 130]. Исследователи отмечают, что Падеревскому удавалось оказывать влияние на Вильсона по некоторым вопросам, но американский президент никогда не принимал логику идей Падеревского и, по всей видимости, даже не читал его масштабный план. В частности, аргументацию Падеревского относительно передачи Гданьска Польше он не принял [12, р. 48]. Впрочем, важно отметить, что на два письма Падеревского ответ был получен — в июне 1917 г. помощник Вильсона полковник Хауз обратился к пианисту с просьбой прислать этнографическую карту польских земель.

Что касается внешнеполитической ориентации независимой Польши и планов по построению систем союзов, Падеревский высказался об этом уже в октябре 1918 г. У будущего премьер-министра Польши в это время была безоговорочная ориентация на США, а самые большие надежды связаны с созданием и работой Лиги Наций. Будучи приверженцем ягеллонской традиции, Падеревский отводил Польше мессианскую роль, по крайней мере на пространстве Восточной Европы: «Нам нужно пространство, нам нужна сила, чтобы мы все, поляки и литовцы на севере с чехословаками в центре, с югославами и румынами на юге, готовились к великой и славной задаче. Мы должны построить эту мощную огромную непреодолимую стену из 75 миллионов человек от Балтики до Адриатики и Черного моря, от Данцига и Мемеля до Константины и Фиуме. Мы должны защитить Россию и Малую Азию, Ближний и Дальний Восток. Мы должны защитить балтийские провинции от германизации, чтобы предотвратить превращение Балтийского моря в немецкое озеро. Мы должны быть самыми бдительными и ответственными членами будущей Лиги Наций, что было бы немыслимо без нашего собственного и безусловного обладания морским побережьем» [11, t. 1, s. 511].

Эта мысль о региональном объединении была популярна среди малых и средних стран, чьи правительства понимали необходимость искать альтернативные способы защитить свой суверенитет помимо опоры на великие державы.

Более подробно практические действия по реализации своих внешнеполитических замыслов Падеревский изложил в инструкции для создаваемого польского дипломатического корпуса 7 июля 1919 г. Основные цели внешней политики Второй Речи Посполитой премьер-министр и глава МИД ранжировал следующим образом: а) необходимо заключение договора с Германией и выполнение этого договора; б) в споре с Чехословацкой Республикой по Тешинской Силезии готовность пойти на уступки, но не за счет уменьшения национальной территории; в) Восточная Галиция должна была оставаться неотъемлемой частью Польши, однако русины могли рассчитывать на широкую политическую автономию; г) проблему принадлежности «восточных кресов» Польше предлагалось подвергнуть самому широкому обсуждению.

Дипломат призывал считать отправной точкой восстановления Польши на востоке 1772 год. Но политические и военные события конца 1918 — начала 1919 г. заставили его сделать существенную оговорку: «...мы заранее и добровольно отказываемся от определенной части восточных территорий и стремимся оставить Польше только те земли, которые являются этнографическими польскими, или те, где имеется значительный процент польского населения, — цивилизационно польские» [11, т. 2, с. 255]. Расплывчатость формулировок означала, что Падеревский не давал четких ориентиров, какие именно территории нужно обязательно включить в состав Польши, а какие нет. Упоная на мирное урегулирование спорных вопросов, но обходясь без критики силовых действий Пилсудского по захвату территорий, Падеревский тем самым следовал в фарватере политики начальника государства.

Российские исследователи отмечают, что в это время Падеревский в своей политике был солидарен с Пилсудским, оправдывал перед Антантой польские военные инициативы в Восточной Галиции и стремился добиться создания системы региональных союзов, которые выдвигал начальник государства [4, с. 82; 7, с. 105; 10, с. 49].

Что касается устройства создаваемого государства, Падеревский считал, что в случае присоединения к Польше всей или незначительно сокращенной территории бывшего Великого княжества Литовского было бы логично использовать форму федерации или союза. Он отмечал, что было бы целесообразно включить этнографически или цивилизационно польские территории в состав Польского государства, но с согласия местного населения [11, т. 2, с. 256]. При этом он выступал против проведения плебисцитов в спорных зонах, опасаясь, что они могли показать результат не в пользу Польши.

По поводу отношения к великим державам, премьер пояснял, что Польша добилась независимости в союзе с великими державами, прежде всего Францией и США, и призывал поддерживать с ними тесные связи не столько в силу благодарности, но и с учетом польских государственных интересов, ведь стране еще могла понадобиться их экономическая, в том числе кредитная, помощь. Тут же он давал два важных комментария по поводу отношений с «будущей Россией»: констатировал опасность российско-германского сближения и необходимость от-

крытия рынков в России для поддержания экономических связей с этой страной. В то же время он призывал осознавать тот факт, что даже «преображенная и демократическая Россия не избавится быстро от своих экспансионистских инстинктов» [11, t. 2, s. 256].

По вопросу отношений с новообразованными малыми и средними странами в Европе Падеревский писал, что Польше необходимо приложить усилия, чтобы нарастить свое влияние не только в южных и западных славянских странах, но и в остальных странах Балканского полуострова. По отношению к странам Балтии премьер-министр призывал польских дипломатов развивать политику солидарности с этими странами против Германии, которая никогда не откажется от стремления господствовать на Балтийском море. По поводу самой Германии Падеревский предупреждал о необходимости противодействовать ее историческому «натиску на Восток» [11, t. 2, s. 256].

Оценивая свою работу в процессе послевоенного урегулирования, Падеревский писал так: «...выполнил все, что было моим долгом» [11, t. 2, s. 616]. В просчетах польской политики в тот период (например, в случае с Тешинской Силезией) он винил своих преемников. Решение уйти в отставку в конце 1919 г. он объяснил несогласованностью и противоречивостью внешней политики страны, когда на конференции в Париже Польша заявляла о мирных способах решения территориальных проблем, а ее армии вовсю шли в наступление. На него тяжелое впечатление произвела «акция генерала Желиговского» по захвату Вильно, которую он, будучи представителем Польши на конференции Лиги Наций в Женеве, должен был представлять как «личную инициативу Желиговского» [11, t. 2, s. 618].

В то время Падеревский старался добиться изменения внутривнутриполитической ситуации, чтобы триумфально вернуться в политику. Это объясняет его стремление оправдаться и «обелить себя», переложив вину на других. В 1920 г. Падеревский глубоко разочаровался в военной политике Пилсудского, которая вызывала резкую критику на Западе. Биограф Падеревского объясняет его желание вернуться во власть большим самомнением и желанием в скором времени избраться на должность президента Польши [13, p. 503–505, 508–512].

Что касается вопросов завершения формирования восточной границы Польши и мира с Советской Россией, то Падеревский 11 февраля 1921 г. выражал уверенность, что в скором времени наступит мир. Попытки обвинить Польшу в милитаризме он отвергал: «Абсурдно говорить о польском милитаризме и империализме. Мы всегда будем милитаристами, даже женщины и дети, если на нас нападут, но ни при каких других обстоятельствах» [11, t. 2, s. 630].

Подводя итоги бурной политической активности Игнация Падеревского в 1914–1921 гг., следует сделать вывод, что он, несомненно, был выдающимся деятелем польской культуры, который в годы Первой мировой войны оказался вовлечен в сферу мировой политики и которому был предоставлен шанс побороться за независимость родины. Используя свой авторитет, мировую славу, личное знакомство со мно-

гими главами государств и политиками он всеми силами стремился добиться восстановления независимой Польши. Неслучайно многие исследователи ставят появление 13-го пункта (о создании независимого Польского государства) в известной программе послевоенного урегулирования «Четырнадцать пунктов» президента США Вудро Вильсона в заслугу именно Падеревскому и его близким и даже дружеским отношениям с полковником Хаузом и Гербертом Гувером. Будучи премьер-министром и министром иностранных дел в 1919 г., он многое сделал, чтобы Польша получила международное признание держав Антанты. Его заслуги в возрождении Польского государства значительны и никем не оспариваются.

Вместе с тем программа Падеревского по созданию Соединенных Штатов Польши в границах 1772 г. носила утопический характер, она не отвечала ни интересам Антанты, ни реалиям времени, ни, главное, интересам населения бывшего Великого княжества Литовского. Падеревский был одержим романтической ягеллонской идеей воссоздания былой славы Речи Посполитой на востоке. Ее провал наряду с разногласиями с другими игроками на польской политической сцене вынудил его уйти из политики, оставить занимаемые посты и уехать из Польши.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Аспиранты» № 20-39-90011 «Эволюция концепции Междуморья во внешней политике Польши в межвоенный период».

Список источников и литературы

1. Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2017.
2. Гришин Я.Я., Галицуллин М.З., Туманин В.Е. Россия и Польша в устремлениях А.И. Деникина // Наука. Общество. Оборона. 2020. Т. 8, №3 (24). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43940461> (дата обращения: 23.03.2021).
3. Гришин Я.Я., Галицуллин М.З., Туманин В.Е. Юзеф Пилсудский и вопрос совместного похода с А.И. Деникиным на Москву. 1919 год // Наука. Общество. Оборона. 2020. Т. 8, №2 (23). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42816671> (дата обращения: 23.03.2021).
4. Гуцин А.В. Вопрос о Восточной Галиции на Парижской мирной конференции в 1919 г. // Вестник РГГУ. Сер.: История, филология, культурология. 2012. №4 (84). С. 76—86.
5. Казак О.Г. Проблематика «восточных окраин» в оценках польского политика и публициста Владислава Студницкого (1918—1922 годы) // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем / под ред. Е.В. Кодина. Смоленск, 2019. Вып. 5. С. 128—139.
6. Матвеев Г.Ф. Пилсудский. М., 2008.
7. Мусаев В.И. Прибалтика в сфере польских внешнеполитических интересов на рубеже 1910—1920-х годов // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем / под ред. Е.В. Кодина. Смоленск, 2019. Вып. 5. С. 100—114.
8. Позднякова И.И. Проблема Польского коридора на Парижской мирной конференции // Славянский мир: общность и многообразие / под ред. Е.С. Узенёвой, О.В. Хавановой. М., 2020. С. 121—125.
9. Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012.

10. Юрченко Е. С. Проблема еврейских погромов в польско-американских отношениях 1918–1919 гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. №3. С. 45–55.
11. *Archiwum polityczne* Ignacego Paderewskiego. Wrocław, 1973–1974. Т. 1–4.
12. *Biskupski M. B.* Paderewski as Leader of American Polonia, 1914–1918 // *Polish American Studies*. 1986. Vol. 43, №1. P. 37–56.
13. *Biskupski M. B.* Paderewski, Polish Politics, and the Battle of Warsaw, 1920 // *Slavic Review*. 1987. Vol. 46, №3/4. P. 503–512.
14. *Biskupski M. B.* The origins of the Paderewski government in 1919: a reconsideration in light of new evidence // *The Polish Review*. 1988. Vol. 33, №2. P. 157–166.
15. *Dmowski R.* *Polityka polska i odbudowanie państwa*. Warszawa, 1988. Т. 1.
16. *Drozdowski M. M.* Ignacy Jan Paderewski: pianista, kompozytor, mąż stanu. Warszawa, 2001.
17. *Drozdowski M. M.* Ignacy Jan Paderewski — współtwórca Niepodległej. Warszawa, 2017.
18. *Drozdowski M. M.* Ignacy Jan Paderewski: zarys biografii politycznej. Warszawa, 1986.
19. *Grabski S.* *Pamiętniki*. Warszawa, 1989. Т. 2.
20. *Marczewska-Zagdańska H.* Wilson — Paderewski — Masaryk: Their Visions of Independence and Conceptions of How to Organize Europe // *Acta Poloniae Historica*. 1996. №73. P. 55–69.
21. *Niewierowicz M.* Paderewski — artysta w świecie polityki // *Z dziejów gospodarczych Polski*. №8. S. 73–76. URL: https://mowiawieki.pl/templates/site_pic/files/NBP-z-dziejow-gospodarczych-Polski-odcinek-8.pdf (дата обращения: 31.03.2021).
22. *Olczak M.* Ignacy Jan Paderewski 1860–1941. Warszawa, 2018.
23. *Paderewski I.* *Myśli o Polsce i Polonii*. P., 1992.
24. *Prazmowska A.* Ignacy Paderewski: Poland. L., 2009.
25. *Weber B.* Paderewski. Kraków, 1992.
26. *Zamoyski A.* Paderewski: a biography of the great Polish pianist and statesman. N. Y., 1982.

Об авторе

Анатолий Анатольевич Курганский — мл. науч. сотр., асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: anatkurg@yandex.ru

The author

Anatolii A. Kurganskiy, Junior Researcher, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: anatkurg@yandex.ru